

Тианна Ридак

Музей

Тещины

Тианна Ридак
Музей Тишины

«Автор»

2026

Тианна Ридак

Музей Тишины / Тианна Ридак — «Автор», 2026

Представьте место, где нет ничего: ни картин, ни скульптур, ни музыки. Только тишина, которая обволакивает, как вода, и вы сами становитесь единственным экспонатом. Ева создала такой музей в заброшенной библиотеке, когда звуки внешнего мира стали для неё невыносимы. Она просто хотела тишины, которая лечит. Алексей пришёл туда из любопытства, потому что внутри него никогда не было тихо. Он потерял слух, но тишина так и не наступила – её заменяли фантомные шумы. В музее они исчезали. Рядом с Евой он впервые за три года смог выдохнуть. Они начали общаться жестами, записками, паузами... и их молчание было громче любых признаний. Только тишина оказалась хрупкой, и однажды их общий мир дал трещину... Это история о хрупкости покоя, о звуках, которые мы носим в себе, и о любви, которой не нужны слова.

© Тианна Ридак, 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Часть первая. Глава 1. Инструкция по тишине	6
Глава 2. Тишина сдвинулась на полтона	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тианна Ридак Музей Тишины

От автора

Все совпадения с реальными людьми, событиями и музеями случайны. Персонажи и их судьбы – вымысел, как и город, где происходит действие – его не найти ни на одной карте мира и ни в одном воспоминании. А вот тишина, которая стала для двоих самым громким признанием, она настоящая, она дышит между этими строками. И если вы её услышите – значит, эта книга для вас.

Приятного прочтения!

Часть первая. Глава 1. Инструкция по тишине

Утро пахло мокрой листвой и ещё чем-то неуловимым – может быть, обещанием тишины, которая продлится весь день, если её не спугнуть. Ева вернулась с пробежки, когда город только-только начал просыпаться: первая машина прошелестела шинами по асфальту, где-то лязгнул мусорный бак. В доме напротив распахнулось окно, и старушечий голос позвал котиков завтракать: протяжно, ласково, и в кустах под окном тут же послышались мяуканье и шорох.

Еве нравилось это раннее время. В нём ещё можно было уловить остатки тишины, которую никто не замечает, потому что все спешат её нарушить.

Она отперла дверь бывшей библиотеки, в которой жила уже чуть больше месяца, и вошла в темноту, всё ещё пахнущую старой бумагой и сыростью. Ей не хотелось включать свет: электрический гул ламп мог испортить то, ради чего она затеяла всё это безумие. Входная дверь издала утробный вздох при закрытии, половицы отозвались под шагами глухо, почти человечески, и где-то в глубине здания скрипнула балка, оседая после ночной прохлады. Ева остановилась посреди огромного зала, прикрыла глаза, вдохнула и выдохнула медленно, как советовал доктор. Впервые за три месяца тишина не сжала виски ледяным обручем. Она просто легла рядом – осторожно, почти застенчиво, как пёс, который наконец признал хозяина.

Сколько Ева так простояла, она не засекала. Время в тишине течёт иначе, она знала это давно, ещё с тех пор, как работала звукорежиссёром на телевидении и могла часами сидеть в монтажной, обрезаая звуковые дорожки, склеивая паузы, вычищая шумы. Тогда тишина была материалом – послушным, мёртвым, безопасным, – и Ева не думала о ней как о чём-то живом, что может однажды проснуться внутри головы и отказаться уходить. Тишина превратилась в шум. Сначала едва заметный, как дыхание спящего рядом человека, потом стала громче, настойчивее, пока не заполнила собой всё. Ева слышала, как кровь течёт по сосудам, как бьётся сердце, как воздух проходит через гортань, и это сводило с ума. Пожилой доктор с седыми усами, который её выслушал и поставил диагноз – гиперакузия, нервное истощение, говорил коротко, без сочувствия, но именно его слова Ева запомнила навсегда:

«Тишина, голубушка, – это когда вы сами решаете, что слышать. Вы разучились. Учитесь заново». Он научил её дышать: четыре счёта вдох, шесть выдох, и этот простой ритуал держал Еву на плаву в самые тяжёлые дни... Потом она всё-таки не выдержала, уволилась, собрала вещи и уехала в маленький город, где надеялась найти тишину, которую прописал доктор.

Ева открыла глаза. Высокие окна, ещё недавно заклеенные газетами, теперь блестели от чистоты и свободно пропускали свет. Он ложился на пол широкими золотыми полосами, и в этих полосах танцевала пыль. Каждая пылинка висела отдельно, как крошечная планета в невесомости, и на это можно было смотреть бесконечно.

Пространство явно дышало. Старые библиотечные стеллажи Ева трогать не стала, только сдвинула те, что поддались, к стенам, а остальные оставила стоять, где они простояли десятилетия. Пустые полки хранили запах бумаги и времени. Один из стеллажей она перевернула на бок, и он стал длинной скамьёй. Ещё один, с выдвижными ящичками для формуляров, приспособила под хозяйство: там теперь лежали её инструменты. Кое-что она привезла с собой из Москвы, но многое уже успела купить здесь, на барахолке. Ева любила чинить сломанное, и всё необходимое всегда было под рукой.

Стеллажи мягко делили зал на зоны, а в самом центре, где они расступались шире всего, Ева расстелила старый ковёр с восточным узором. Тёмно-красный и синий, почти стёртый до основы, он лежал теперь как большая заплатка на деревянном полу, и босые ноги чувствовали его тепло. Поверх ковра она разбросала подушки, какие удалось найти: пёстрые, с бахромой

по краям, одни совсем плоские, другие взбитые, – и решила не поправлять. Пусть лежат, как легли, и пусть каждый выберет ту, что подходит именно ему.

В углу, у дальней стены, стояли два кресла, обитые тёмно-зелёным сукном. Подлокотники были протёрты, поролон торчал наружу, и Ева зашила дыры кривыми стежками, решив, что так даже лучше. Между креслами примостился низкий столик из тёмного дерева, на нём одинокая чашка, потому что второй гость мог и не прийти. На стенах висели деревянные и металлические пустые рамы, и в течение дня тени от уличного света заходили в них, жили там своей жизнью, менялись, и уползали по стенам.

По вечерам в основном зале Ева зажигала три разных торшера. Один с выцветшим зелёным абажуром, второй – с оранжевым и с кистями, из которых она вымыла многолетнюю пыль; третий – простой, на деревянной ноге, с лампочкой, что горела вполне накала и чуть заметно гудела, если прислушаться.

Кресла, рамы, ковёр, торшеры, даже столик, который какой-то старик отдал за пятьдесят рублей со словами «всё равно дети выбросят», и ещё многое другое, Еве удалось найти на блошином рынке. И каждая из вещей, как ей казалось, была создана специально для её музея. Ей вообще казалось, что у неё получается лучший музей в мире – музей, где тишина должна стать союзником и заговорить с каждым на его собственном языке.

Старое здание бывшей библиотеки, принявшее её затею, знало тишину задолго до Евы. Библиотека закрылась три года назад. Ева помнила, какой увидела её впервые – в конце апреля, когда приехала в этот городок наугад, закрыв глаза и ткнув пальцем в карту. Москва стала слишком громкой, а ей хотелось тишины, которую невозможно приобрести в собственность, – можно только отвоевать у самой себя, сантиметр за сантиметром освобождая внутреннее пространство от накопившегося шума. Она вышла из автобуса на маленьком вокзале, где пахло пирожками и бензином, и побрела в сторону окраины, потому что там всегда тише. Библиотека стояла на углу квартала, заросшая прошлогодней сиренью, с облупившейся краской на дверях и табличкой «Закрыто», которая висела криво, на одном гвозде. В этом было что-то приглашающее – как в человеке, который не ждал гостей, но был им рад. Ева подошла ближе и увидела на табличке номер телефона, нацарапанный мелкими цифрами. Она позвонила тут же, и – о чудо – на третьем гудке ей ответил старик сухим и равнодушным, как потрескавшаяся земля, голосом.

- Делайте что хотите, только тихо, – сказал он, когда Ева спросила про аренду.

А когда она уточнила, можно ли оставаться на ночь, если приведёт здание в порядок сама, старик помолчал, вздохнул и добавил:

- Живите, всё равно никому не нужно, – и назвал цену, которая оказалась меньше, чем она ожидала, и Ева поняла: он сдаёт не помещение, а память о том, что здесь когда-то было, и эта память тяжелее любой арендной платы.

Почти целый месяц она приводила здание в порядок: мыла полы, чинила рамы, выносила мышинные гнёзда и смотрела, как запах сырости медленно отступает, но не уходит до конца, впитавшись в стены, – и пусть, потому что тишина тоже имеет запах, и этот запах ей подходил.

В бывшем кабинете директора она устроила себе комнату – достаточно уютную, чтобы ночевать, и достаточно пустую, чтобы ничто не отвлекало. А служебный санузел переделала под маленькую душевую. Вода там была едва тёплой, но Еву это не смущало: она давно заметила, что чем меньше удобств, тем больше свободы.

Приняв душ после пробежки, она сварила кофе в медной турке с деревянной ручкой – это была одна из немногих вещей, которую она привезла с собой из прошлой жизни. Пока кофе немного остывал, Ева отправила короткое «привет, мам, всё норм» в голосовом, выключила телефон и убрала его в ящик стола. Привычка осталась с работы: там, в монтажной, телефон отключали, чтобы не мешал, и этот ритуал прижился намертво. С мамой они всё равно созванивались каждый вечер – это было их негласное правило, и Ева не собиралась его менять.

Говорила в основном мать: про соседей, про погоду, про сериалы, что с каждым годом всё хуже, – а Ева держала трубку у уха и молча кивала, иногда вставляя короткое «угу». Мама до сих пор думала, что дочь живёт в Москве, снимает квартиру где-то на окраине, в спальном районе, названия которого явно не помнила, и Ева не спешила делиться тем, что переехала – берегла мамино спокойствие. Из всех голосов мамин остался единственным, который она согласна была слышать снова и снова.

Она вышла на крыльцо с чашкой в руках. Табличка «Музей тишины. Вход свободный» сияла в утреннем свете своей медной теплотой. Сегодня был первый день работы – она просто отперла дверь и стала ждать. Накануне, правда, расклеила несколько листовок в соседних кварталах с объявлением об открытии. Но у входа не было ни флажков, ни ленточек, ни шампанского в пластиковых стаканчиках – только тишина внутри и табличка на двери. Кому надо – тот придёт.

Со стороны её затея вообще выглядела по меньшей мере странно: женщина тридцати восьми лет, бывший звукорежиссёр, уволившаяся после того, что врачи назвали нервным истощением, а она сама называла войной с собственным слухом, открыла музей без единого экспоната. Она попыталась вообразить, как рассказывает об этом матери, и не смогла удержаться от усмешки. Мама работала главным бухгалтером в нескольких небольших фирмах и свято верила, что дело должно приносить доход, а музей тишины с бесплатным входом в эту картину мира решительно не вписывался. Впрочем, мама жила далеко, и ехать куда-то было не в её характере, даже если бы дочь открыла Лувр. Тем проще было ничего не объяснять.

Несмотря ни на что, первые посетители появились около полудня. Это были двое подростков, которые явно искали место, где можно сесть и уткнуться в телефоны. Ева встретила их у входа и тихо произнесла правила: звук в телефоне отключить, обувь снять, говорить шёпотом или лучше вообще молчать. Подростки переглянулись, хмыкнули, но выполнили все требования. Видимо, в глазах у Евы было что-то такое, что не располагало к спорам. Она сама не знала, что именно, однако замечала это уже не в первый раз: в её взгляде, даже самом спокойном, проступало что-то, что лишало собеседника охоты пререкаться.

Подростки просидели минут пятнадцать, повозили босыми ногами по ковру, пошептались и ушли, оставив запах мятной жвачки и лёгкое разочарование – кажется, они ожидали чего-то большего. Ева проводила их взглядом и не расстроилась: её музей не для всех, и в этом была его главная ценность, хотя объяснить её словами она пока не могла. Главное, что ей самой было в нём комфортно.

Следующей пришла пожилая женщина в сером плаще. Было видно, что она следит за собой: короткая стрижка, уложенная волосок к волоску, губы чуть тронуты помадой, ногти короткие, но ухоженные. Она сняла туфли у порога, поставила ровно и прошла в зал так тихо, что её можно было принять за призрак бывшей библиотечарши, которая до сих пор ходит между стеллажами и проверяет, всё ли на месте. И только тень на стене подтверждала, что она не плод воображения.

Женщина села в кресло, сложила руки на коленях и замерла на целый час. Потом сменила позу и только через полчаса поднялась. Лицо её стало другим, словно тишина смыла что-то лишнее, как вода смывает пыль с давно забытой вещи. Ева поймала её взгляд и кивнула, и женщина кивнула в ответ. В этом коротком движении было больше понимания, чем в самом долгом разговоре.

До вечера больше никто не зашёл. Ева сидела на одной из плоских подушек, лежавших на ковре, поджав ноги, и слушала, как здание остывает, как потрескивают половицы, как где-то наверху голубь возится под крышей. Звук абсолютно не раздражал – он влёлся в тишину, стал её частью, как становится частью симфонии случайный кашель в зале, если дирижёр достаточно мудр, чтобы не останавливать оркестр.

Завтра она снова откроет дверь, снова скажет правила, снова будет ждать. В этой мысли было только спокойное знание, что она делает что-то правильное. А ещё – что хорошо бы записать правила на бумаге и повесить у входа. И Ева тут же пошла в свою комнату, чтобы напечатать текст, и заодно взять телефон, ведь вечерний разговор с мамой никто не отменял.

Включив мобильный, она увидела около десятка пропущенных звонков: бывшие коллеги, кто-то из монтажной, пара незнакомых номеров – и ни одного, на который хотелось бы перезвонить. Она отложила телефон, открыла ноутбук и напечатала, как сама это назвала, «Инструкцию по тишине»:

«Обувь снять.

Звук в телефоне выключить.

Говорить шёпотом или молчать».

И ниже, чуть помельче: «Тишина – это когда остаётся только то, что звучит по-настоящему».

Ева перечитала инструкцию несколько раз и вдруг поняла: последняя строчка – для неё самой. Она распечатала текст и задумалась, куда бы прикрепить лист, чтобы он был на виду. Вспомнила про старый библиотечный стенд на деревянных ножках, который ещё в первые дни нашла в подсобке, – такие раньше стояли в читальных залах. Лак хоть и облупился, а дерево потемнело, но стенд был ещё крепким, и выбросить его Ева не смогла. Она вообще не умела выбрасывать сломанное, если только вещь невозможно было никак починить.

Она пристроила стенд у входа, прямо напротив двери, чтобы каждый входящий сразу наткнулся на него взглядом, и прикрепила инструкцию кнопкой. Листок висел чуть криво, но перевешивать не хотелось, потому что в этой кривизне было что-то живое, как в той старой табличке «Закрито», которую она когда-то увидела на дверях библиотеки и которая, казалось, улыбалась ей.

Покончив с делами, она ещё немного постояла на крыльце, наблюдая, как садится солнце и тени домов становятся длиннее. Потом достала телефон из заднего кармана джинсов, подержала его в ладони, вспомнила мамин спокойный, чуть уставший, но такой родной голос и тут же позвонила ей.

Глава 2. Тишина сдвинулась на полтона

Ева вышла на рассвете, когда воздух ещё держал ночную прохладу и пах мокрой землёй. Она целый месяц бегала одним и тем же маршрутом, но сегодня что-то заставило её свернуть. Может быть, просто захотелось продлить утро, растянуть его, как растягивают время перед чем-то важным.

Она нырнула в переулочек, который раньше игнорировала, пробежала мимо нескольких частных домов, ещё каких-то огородов, высокого длинного забора, увитого плющом, и вдруг оказалась у небольшого пруда. Вода была тёмной и гладкой, как старая фотография, а по краям рос сухой, прошлогодний камыш, с метёлками, которые тихо потрескивали на ветру. На берегу, на коряге, сидела ворона, с торчащим в сторону пером на затылке, и смотрела в воду с таким сосредоточенным видом, как будто ждала ответа на какой-то древний вороний вопрос. Ева улыбнулась и остановилась прямо напротив, перевести дыхание, но ворона даже не покосилась в её сторону.

Еве стало любопытно, и она из принципа осталась понаблюдать за птицей. Ворона наклонила голову к воде, потом резко выпрямилась и уставилась в небо. Там, высоко, плыл самолёт, оставляя за собой белый след, который медленно расплзался, становясь всё шире и прозрачнее. Она провожала его взглядом, не двигаясь с места, и только когда след растаял совсем, вдруг сорвалась, взмахнула крыльями и полетела низко над водой, в ту сторону, куда ушёл самолёт. Ева подумала, что невозможно догнать то, что уже исчезло, и, тяжело вздохнув, развернулась, и побежала обратно, к музею.

Когда она вернулась, старушка из дома напротив уже принялась звать котов. Сегодня в её голосе прорезалась командирская нотка:

- Тишка! Маркиз! А ну живо идите есть, пока собака не вышла! Где вы там – кис-кис-кис!

Коты, судя по возне в кустах, собаку знали лично и рисковать не собирались. Два рыжих хвоста тут же мелькнули у подъезда. Коты подбежали к мискам, что стояли под окном, и принялись за еду. Старушка выглянула, оперлась ладонями о подоконник и осталась ждать, пока оба доедят.

Ева улыбнулась чему-то своему, поправила растрепавшийся пучок, и открыла дверь музея. Внутри стояла глубокая, слоистая тишина, продолжавшая пахнуть старой бумагой и сыростью. Половицы молчали, балка наверху не скрипела. Здание ещё спало, и Ева на мгновение ощутила себя хозяйкой этого сна.

После душа она вышла в зал, успев сварить чашечку кофе, чтобы побыть в тишине наступившего утра, наслаждаясь любимым напитком. Вчерашний день оставил тихое удовлетворение и ощущение, что она запустила механизм, который теперь будет работать сам. Придут ли снова те подростки? Или женщина в сером плаще? Может, сегодня будут новые лица. Может, не будет никого, и это тоже неплохо.

Накануне вечером Ева умудрилась закончить очередной заказ на чистку звука: какой-то подкаст о пчеловодстве, который прислали с пометкой «срочно» и забыли оплатить. Она подбила свои личные сбережения и решила, что телефон выключать больше не станет: переведёт на вибро и будет держать при себе. Заказы приходили в последнее время редко, но пока что их хватало на кофе, электричество и покупку старинных вещей на блошином рынке.

Ева прошла по музею, перечитала инструкцию при входе и села в кресло у дальней стены. В высоких окнах снова танцевала пыль, и она позволила себе на несколько минут раствориться без остатка в этом зрелище.

Ближе к десяти утра в музей заглянул низкорослый седой мужчина с заметной пролысиной, в белоснежной рубашке и с папкой под мышкой. Он вошёл не разуваясь, покрутился на месте, пробубнил что-то себе под нос и вышел. Ева проводила его взглядом, сделала глоток

остывшего кофе и хмыкнула. Этот музей определённо отсеивал случайных людей быстрее, чем она рассчитывала.

Ближе к полудню пришла женщина с ребёнком лет пяти. Мальчик вошёл босиком, сделал три шага по ковру и замер с открытым ртом. Он, вероятнее всего, впервые оказался в месте, где ничего не происходит, и это было для него самым большим событием. Он простоял так минуту, потом сел на корточки и начал разглядывать узор ковра, ведя пальцем по синей нитке. Женщина смотрела на него с удивлением, какое бывает у родителей, когда они вдруг узнают в своём ребёнке незнакомца. Ева молча подошла, подала ей подушку, и та села рядом с сыном. Они просидели около часа, а когда уходили, мальчик обернулся на пороге и помахал рукой пустым рамам на стене, как будто там кто-то стоял и махал ему в ответ.

«Тишина принимает не всех, – подумала Ева, закрывая за ними дверь. – Но тех, кого принимает, запоминает навсегда».

День продолжался медленно. Звуки в голове почти не беспокоили, и Ева поймала себя на мысли, что хочет прилечь где-нибудь в углу, ни о чём не думать, просто погрузиться в это безвременье. Она взяла один из стульев и пересела ближе к выходу, закрыла глаза и, наверное, всё-таки задремала, потому что не слышала, как открылась дверь.

Алексей появился на пороге, когда она уже почти уснула. Он придержал дверь ладонью, но та всё равно издала свой короткий утробный вздох при закрытии. Ева тут же пришла в себя, открыла глаза, и первое, что увидела, это красный блокнот в его руках: потёртый, с загнутыми углами. У Евы в кармане брюк лежал такой же, только синий, как обычная привычка звукорежиссёра – носить блокнот с собой, потому что память иногда подводит, а записи остаются. Потом уже только она заметила серую фланелевую рубашку, потёртые джинсы такого же цвета и старые кеды. Мужчина продолжал стоять на месте и смотрел в глубину зала, где косой квадрат света лежал на ковре и подушках. Русые волосы, чуть тронутые сединой на висках, были взъерошены ветром. Возраст Ева никогда не могла определить точно, но он явно был старше сорока или даже сорока пяти.

Она привычным движением, от волнения, потёрла внутреннюю сторону запястья большим пальцем, и тихо произнесла:

- Обувь нужно снять и телефон отключить, – но это было лишним. Мужчина как раз в это время уже склонил голову и внимательно читал её инструкцию. Что-то в его позе показалось ей смутно знакомым, но она пока не понимала, что именно.

Потом он кивнул, снял кеды, поставил их аккуратно у порога, носками наружу, и прошёл в основной зал. Шёл, выставив руку вперёд, и со стороны казалось, что он касается невидимых стен. Ева вдруг поймала себя на том, что узнаёт эту походку: она видела её десятки раз в монтажной, когда звукорежиссёр заходит в новую аппаратную. Сначала касается пульта, потом стен, потом проводов, буквально считывая пространство кожей. Она и сама когда-то так делала... в другой жизни.

Алексей первым делом задержался у перевёрнутого стеллажа-скамьи. Присел, оглядел зал с этой новой для себя точки, встал и двинулся к высоким стеллажам, что остались стоять у стен. Полки пустовали, но он всё равно заглядывал в пролёты между ними; трогал ящички для формуляров: один даже выдвинул на пару сантиметров и задвинул обратно. После перевёл взгляд на пустые рамы, подошёл к деревянной, с облупившейся позолотой и начал медленно наклонять голову то вправо, то влево.

Дальше его внимание привлёк торшер с оранжевым абажуром. Подойдя совсем вплотную, он осторожно взял несколько кисточек в пальцы, перебрал их одну за другой и отпустил. Рядом, на низком столике из тёмного дерева, стояла одинокая чашка, Алексей заглянул и в неё.

Перейдя в центр зала, где лежал ковёр, он принялся разглядывать восточный узор, наклонился и провёл пальцами по краю, а вот подушки равнодушно обошёл, не тронув ни одной.

Ева всё это время наблюдала за ним со стороны, облокотившись о стену почти у самого выхода. Она обратила внимание на его руки: длинные пальцы двигались медленно, каждое прикосновение имело смысл. До неё только сейчас дошло, что он по-видимому плохо слышит или не слышит вовсе.

Алексей продолжал изучать обстановку и уже успел заглянуть в небольшой соседний зал. Там, посреди пустоты, стоял одинокий стул, спинкой к выходу. На него ещё никто не садился, кроме Евы. В первые дни она приходила именно туда, упиралась взглядом в белую штукатурку и пыталась понять, зачем ей всё это. Ответа не было, но тишина внутри становилась просторнее.

Алексей задержался на пороге. Еве показалось, что он сейчас войдёт, сядет на тот стул и тоже уставится в стену. Но он развернулся, прошёл ещё раз по периметру, мимо второго маленького зала, и наконец подошёл к ней, поразив её цветом глаз. Ева видела, что они светло-голубые, но такого оттенка, какой бывает у воды в стеклянной банке, когда смотришь сквозь неё на солнце: прозрачные до самого дна. Он смотрел на Еву так, как будто уже знал о ней что-то важное и теперь просто ждал, когда она сама это произнесёт. А она снова, от волнения, стала тереть запястье.

Алексей открыл блокнот, ненадолго задумался и написал несколько слов быстрым, летящим почерком, и протянул ей.

«У вас здесь очень тихо. Спасибо».

Ева прочитала и хотела ответить что-то обычное – «пожалуйста» или «рада, что вам нравится», – и вдруг передумала, не до конца ещё понимая – слышит ли мужчина вообще. Она достала свой блокнот и написала:

«Тишина не моя. Она просто здесь живёт».

Алексей прочитал и слегка улыбнулся. На левой щеке проступила совсем небольшая ямочка, но она сразу меняла лицо, делала его мягче, моложе, стирая из черт привычную суровость. Ева непроизвольно улыбнулась в ответ, хотя сама улыбалась редко. Чаще всего лицо у неё было сосредоточенное, даже когда она просто смотрела в окно или пила кофе маленькими глотками. Казалось, она всё время к чему-то прислушивается. Русые волосы, собранные в пучок, вечно выбивались по бокам, но она изредка их поправляла. Высокий лоб, тонкие губы, серый цвет глаз, нос с лёгкой горбинкой – ничего примечательного. У Евы было лицо, которое не запоминалось сразу, но к которому хотелось присматриваться, особенно когда она просто поворачивала голову или улыбалась.

Алексей вернулся в основной зал. Между торшером с зелёным абажуром и дверью в малый зал стоял простой деревянный стул. На сиденье падал утренний свет. Алексей сел, вытянул ноги и прикрыл глаза.

Еве не хотелось мешать, она прошла к дальней стене, где стояли кресла с протёртыми подлокотниками. Отсюда Алексей был виден вполоборота: между стеллажами, делившими зал на зоны, оставался просвет, и он как раз попадал в него. Торшер с зелёным абажуром, дверь в малый зал, простой деревянный стул – всё уместилось в этом просвете, как в случайной картине.

Ева опустила в кресло, положила руки на подлокотники и снова посмотрела на Алексея. Свет медленно полз по его плечу, она следила за этим движением без всякой мысли, просто потому что больше ничего не происходило, но вокруг была приятная тишина.

Ева подумала о тишине, что звенела в ушах по ночам, не поддавалась, мучила – её собственная, вьезшаяся в привычку, с ней она просыпалась и засыпала. И о другой, что рождалась здесь и сейчас. Алексей сидел напротив, хоть и далеко, и тишина собиралась вокруг него, вбирала его в себя, делалась объёмной, общей, лёгкой.

Мысли уносили Еву в прошлое, в монтажную, где она провела двенадцать лет. Она вспомнила свой первый день на студии, ещё стажёром, с блокнотом в руках и дрожащими

коленками. Как наставник, пожилой звукорежиссёр с вечно припущенными наушниками на шее, протянул ей чашку растворимого кофе и сказал: «Слушай тишину, девочка. Слова все врут, а тишина – никогда». Она тогда не поняла, просто кивнула и обожгла язык кофе. Поняла потом, годы спустя, когда сидела над записью голосов исчезающих деревень и вдруг осознала, что самое важное – тишина между словами, а не то, что говорят.

Теперь, глядя на сидящего в тишине незнакомца, она вспомнила эту фразу, осознавая её ещё глубже.

Солнце поднималось, и один из лучей добрался до лица Алексея, упёрся прямо в закрытое веко, но тот даже не поморщился, только чуть поднял и повернул голову, подставляя свету щёку. Открыл глаза он только когда солнце ушло из окна и зал наполнился ровным, безликим светом. Посидел ещё с минуту, привыкая к тому, что свет изменился, потом поднялся и медленно пошёл к выходу, на ходу успев написать что-то в своём блокноте. У двери задержался, разглядывая свои кеды и обул их, не расшнуровывая, как тапочки. Вырвал листок, положил на стенд, рядом с инструкцией, и вышел.

Ева не пошевелилась, пока дверь за Алексеем не закрылась. Она представляла, как он возится с кедами, каким-то шестым чувством угадывала каждое движение. Потом всё же пошла читать.

На листке было всего три слова:

«Я ещё приду».

Ева перечитала их – раз, другой, третий, затем сунула записку в карман брюк, сама не зная зачем, и только тогда заметила, что улыбается. Весь оставшийся день она ловила себя на том, что прикасается к бумаге сквозь ткань, как будто она была обещанием, которое нельзя нарушить.

Вечером она позвонила маме. Та, как обычно, говорила про сериал и про соседку, которая опять что-то не так сделала. Ева слушала, поддакивала, вставляла «угу» в нужных местах, а потом вдруг спросила:

- Мам, а как ты думаешь, можно узнать человека, не сказав ему ни слова?

Мать замолчала. В трубке было слышно, как на плите что-то шипит, звякнула крышка.

- Можно, – ответила она наконец. – Я твоего отца так узнала. Он полгода молчал, пока ко мне сватался. А почему ты спрашиваешь? Дочь, у тебя всё в порядке?

- Кажется уже да, в полном... порядке – во всех смыслах, – сказала Ева. Она не помнила отца, он умер, когда ей было шесть, но эта история вдруг легла на сегодняшний день, как недостающий фрагмент пазла.

Ночью она долго не могла уснуть: лежала в своей комнате, смотрела в потолок и слушала, как дышит здание. Тишина в музее сдвинулась на полтона и теперь звучала иначе. Ева не могла объяснить, что изменилось, но слышала это отчётливо, как звукорежиссёр слышит разницу между двумя дублями – всё то же самое, а внутри что-то сместилось. И это что-то было связано с человеком, который сегодня вошёл в её музей и остался. Она не знала его имени, вообще ничего о нём не знала – ни откуда он, ни что привело его именно сюда. Но что-то в ней уже предчувствовало то глубинное узнавание, которое случается между людьми.

Он ещё придёт. Так было написано в записке, и Ева верила этому короткому обещанию больше, чем иным длинным клятвам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.